(Окончание. Нач. на 3-й стр.).

АВГУСТОВСКИЙ ДЕНЬ

РАССКАЗ

— Угость папироской? В дом подыматься долго.

Сергей достает пачку, встряхивает ее и протягивает старику. Тот тянет к пачке крючковатые, чешуйчатые пальцы, вытягивает три стволика и, глядя на Сергея, подмигивает ему.

Сергей пытается еще раз выяснить, здесь ли живет нужный ему человек, но старик не обращает на него внимания, торопливо разминает папироску, две другие предварительно сунув за уши. Из горла старика вырываются хрипловатые переливы, и он спешно сует в губы папироску, раскуривает и с трудом удерживает нахлынувший было затяжной кашель.

— Спасибочки, мил человек. Утешил старика...

Сергей понял, что первый человек, им встреченный, оказался совершенно глухим. Он поднял руку, давая знать, что принял благодарность, и вышел на дорогу.

В деревенской тишине, в пропеченной дорожной пыли хоронилась грусть. Сергею вспомнилось, как он три года назад ездил со студенческим отрядом в совхоз на строительство. Командир отряда поручил ему провести беседу с животноводами о международном положении. Ехал он в кабине с молодым шофером. Обогнули крохотный пруд, на берегу которого стояли коровы и лениво отмахивались хвостами от паутов. Затем потянулись поспевающие хлеба, которые сменились густыми зелеными ремнями кукурузы. По горизонту прямой зеленой стрелой промчался пассажирский поезд, истаял в теплой дымке. Машина дважды ныряла в крутые ложки и выбежала на ровную дорогу. Впереди замаячила огромная березовая роща с широким платом пруда. Возле рощи и остановилась машина. Здесь находился гурт молодняка. Обедом кормила тоненькая девчушка с недовольным лицом. Она молча разливала суп из больших термосов и раскладывала гуляш, не реагировала на шутки и остроты скотников. В двух километрах отсюда находилась молочно-товарная ферма, где и должен был провести Сергей беседу.

Из машины они вышли вместе с шофером.

— Место здесь отличное,— сказал Сергей. — Вот бы где деревню поставить.

Шофер усмехнулся, посмотрел на развесистые березы и ответил:

— Пойдем, кое-что покажу.

Они углубились в рощу, наполненную трепетным звоном птиц, миновали неглубокий овражек и вышли к открытому месту. Несколько покосившихся домиков сиротливо заросло бурьяном. Окна и двери забиты досками крест на крест. Вправо и влево тянулись бугры места бывших домов. В конце поляны, на расстоянии с километр, проглядывалось покосившиеся кресты. В покинутой деревне и в сиротливом кладбище таилась такая щемящая тоска и грусть, что у Сергея непрошенно проступили на глазах слезы.

Шофер рассказал, что здесь была лет семь назад веселая деревня, и жила в ней его первая любовь, к которой он ходил вечерами не считаясь с расстоянием. Был здесь колхоз, а потом объединили три хозяйства в одно крупное, и вот не стало деревни. Переехали на центральную усадьбу все жители.

Что ж, думал Сергей, такова диалектика жизни. Все течет, все изменяется.

Идет Сергей незнакомой улицей, не торопится. А воспоминания теснятся в голове короткими вспышками. Стоит он в школе и радуется, что о нем директор говорит хорошие слова. Учился на «отлично», переведен в следующий класс с дарственной книгой. Но радость не долгая. Как только он вышел за школьную ограду, к нему подскочил Мишка по прозвищу «Чугунок», оставленный на второй год, вырвал книгу, бросил на землю, истоптал, ударил по лицу и убежал. Долго обида не покидала: за что такая расправа? Он же любил учиться... Зимний тихий день. Он идет рядом с Наташей, миленькой и тихой девчушкой из того же класса. Ему хочется петь, рассказывать интересные истории, но в голову ничего не приходит. И вдруг слышит ее тоненький голосок:

— А почему у тебя отца нет?

Помнится, холодом заныло под ложечкой. Туман застлал глаза от обиды: Наташка и та спрашивает. Да что это такое? В самом деле, где его отец? Мать на его допросы всегда отвечала одно и то же:

— Живем мы не хуже других. Чего еще? А он не достоин нас с тобой. И не слушай ты брехню всякую...

С детства заострялась обида на человека, который бросил их с матерью.

...В прошлом году Сергей окончил институт и по направлению поехал работать на завод. Там его и настигла телеграмма. Тяжело больна мать. Недавно был дома и не замечал у матери никакой хвори. Приехал поздно...

Под свежим глиняным бугорком похоронил вместе с матерью часть своего сердца. Долго сидел у деревянного креста и будто время остановилось, будто небо склонилось в скорби до самой земли, птицы замолкли, березы поникли в тихой печали.

Угасал тихий вечер. Сергей не заходил в дом. Он боялся его пустоты и ходил по ограде. Поленница... В прошлый приезд Сергей колол дрова, а мать их любовно укладывала в ровные ряды. Подойник у дверей, обласканный руками матери и теперь никому не нужный. Куст смородины...

Мать любила за ним ухаживать... Вилы торчат из-под застрехи... Все, все это нужно было ей...

Все вещи матери Сергей решил отдать старушкам-соседкам. Себе взял фотографии и маленькую бронзовую иконку с распятием. Мать любила эту иконку, хотя и не верила в бога. Иконка наследственная, от бабушки.

Стал перебирать вещи в деревянном сундуке, обитом медными зеленоватыми полосками. Натянулся на пачку писем, уже старых, пожелтевших листков. Были они перевязаны ремной шерстяной ниткой. Сергей углубился в чтение. Поразило одно из них: «Милая Анушка, ты для меня всегда милая будешь. Не храню я на тебя зла за ошибку твою. Тот год, что мы с тобой прожили, самый лучший в моей жизни. Писать больше не буду. Прощу нет. Ни на одно письмо ты не ответила мне. И знаю почему. Ты гордая и не сможешь простить себе свою ошибку. Оттого и не вернешься ко мне. Теперь я обзавелся новой семьей.

Прощай, милая. Одна к тебе только просьба будет: разреши хоть изредка мне видеть моего сына. Не откажи в этой просьбе...»

Сергей долго сидел над старыми письмами, представлял мысленно, каким был его отец, и не мог...

...Сергей подошел к приземистому кирпичному дому. Дом стоял особняком от деревни. Высокое крыльцо со ступенями, массивная дверь под навесом и надпись, потрескавшаяся, выгоревшая на солнце: «Колхоз «Победа». Вторая ферма».

Сергей присел на нижнюю приступку, закурил.

«Ну, приехал, ну, найдешь Свиридова, — размышлял он. — А дальше что? Вот откровенно скажи, что? Мол, здравствуй, папа. Папа... Слово-то какое доброе. Созвучные ему — пахать, пашня, покос, поле... Все то, чем жив человек на земле.

За деревней стелется сухая даль, пронизанная волнистыми нитями. Ближе к деревне виден красноватый, глинистый берег. Сергей представил, как сейчас там, внизу, поблескивает прохладная речка своими золотыми плитками на всплесках у берега и как там тянет прохладой. И ему стало легче от этого.

А над ним распростерлось чистое, свободное небо, без единого облачка, и его величина и чистота давят на Сергея, и он уже кажется сам себе маленьким и бессильным. Тщетными, пустячными кажутся ему его поиски на земле незнакомого и вдруг ставшего близким человека.

За спиной резко стукнула дверь. Сергей поднялся и оглянулся. На крыльце стояла девушка в сером ситцевом платье с треугольным вырезом на груди. Она улыбнулась доверчиво, будто знала Сергея давным-давно, и спросила:

— Вы к Михалычу? — голос плавный, участливый.

— А кто он? — спросил Сергей, не спуская с нее глаз. И ему враз сделалось легко и свободно, словно бы и не было недавних мыслей своего самоуничижения.

— Председатель наш... — наивно удивилась девушка.

— Нет. Я по другому делу. Заехал случаем. Знакомых разыскиваю. Вот...

Сергею захотелось выложить все свои сомнения перед девушкой, но он застеснялся и промолчал. Девушка все стояла на крыльце, окатанная солнечным светом, и смотрела на Сергея сверху не теряя улыбки.

— К вечеру все соберутся. На сенокосе все сейчас. Лето нынче сухостойное, трав мало. Зимовать нелегко придется.

Сергей уловил в ее голосе озабоченность делами колхозников, и ему захотелось помочь людям, которым трудно будет зимовать после сухостойного лета.

Девушка отсчитала каблучками ступеньки крыльца, приостановилась и с прежней улыбкой сказала:

— Желаю найти знакомых. Удачи вам.

Сергей долго смотрел вслед уходящей девушке и ему стало жалко, что встреча была такой короткой.

«Вот так, наверное, и теряет человек счастье. Пролетит оно мимо вот таким чудным созданием, а остановить его, удержать не позволяет нахлынувшая робость... — мысли Сергея перекинулись на другое. — Было ли счастье у его матери с отцом? А если было, то кто его упустил? По письму видно, что была у них любовь. Почему не склеилась жизнь? В чем секрет любви и прочной жизни двух людей? Почему он рос без отца? По какому такому праву?»

Встречи с девушкой было достаточно, чтобы уже без боязни войти в контору и навести нужные справки об отце.

В конторе, за столом, сидел пожилой мужчина, с мрачным, коричневого цвета, лицом и читал бумаги в толстой конторской папке. На приветствие он не ответил, а только кивнул слабо головой, не отрываясь от своего занятия. На вопрос, проживает ли здесь Свиридов, мужчина ответил не сразу. Он оторвался от бумаг и, не сгоняя мрачности с лица, осмотрел Сергея с ног до головы, будто убеждался, стоит ли отвечать ему, отвернулся и уставился в окно. Смотрел долго, сосредоточенно, не двигаясь. Только брови чуть заметно сдвинулись к переносице.

Сергей даже подумал, что тот забыл о нем, и хотел как-то напомнить о себе, но мужчина повернулся к нему и низким рокочущим басом выдохнул:

— Свиридов, говоришь? Так-так. Свиридов, значит?

— Да, Свиридов,—утвердительно ответил Сергей.

— Уехал твой Свиридов. Уехал лет десять тому назад. А вот куда, дай бог памяти... Так-так... Кажись, в Красноярск. Нужны подробности, зайди к Матвею Воронцову. Они будто друзьями считались. И жили к тому же дом в дом...

Сергей шагает полем к станции. Навстречу плывет предвечерний с легкой прохладцей ветерок, щедро пропитанный августовскими запахами хлеба, трав и цветов. В прозрачной вышине самозабвенно рассыпаются в трелях жаворонки. Безустали строчат в никлых травах кузнечики, разбегаются по обе стороны поспелые хлеба. Но все это проходит мимо Сергея, мимо его души. Чувствовал Сергей себя кем-то горько обманутым.

На полустанке Сергей опустился на скамейку, взглянул на сверкающие рельсы, стремительно вытянутые к горизонту, вслух проговорил:

— А Красноярск не за горами...

П. ШМАКОВ.

Редактор А. И. ЛАКИСОВ.

// Ленинский шахтёр, 1974, 22 октября, с. 4.